

УДК 304.2

**КУЛЬТУРНАЯ
САМОБЫТНОСТЬ
МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ
ТЕОРИИ НЕЗАПАДНОЙ
СОВРЕМЕННОСТИ**

Бадмаев Валерий Николаевич

Доктор философских наук, профессор,
Калмыцкий государственный университет,
г. Элиста,
e-mail: badmav07@yandex.ru

Статья посвящена вопросам культурной самобытности монголоязычных народов. Автор предлагает исследовать тему в контексте теории незападной современности и дискуссий об азиатских ценностях. Особое внимание уделено анализу феномена номадизма как особой модели социальной эволюции, как особой системе хозяйствования монголоязычных народов. Обосновывается необходимость разработки новых теоретико-методологических подходов к анализу культурной самобытности монголоязычных народов с позиций незападной современности.

Ключевые слова: культурная самобытность, монголоязычные народы, идентичность, номадизм, глобализация, незападная современность.

**CULTURAL IDENTITY
OF THE MONGOLIAN
PEOPLES IN THE CONTEXT
OF THE THEORY
OF NON-WESTERN
MODERNITY**

Badmaev Valeriy N.

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Kalmyk State University,
Elista,
e-mail: badmav07@yandex.ru

The article is devoted to the cultural identity of Mongolian peoples. The author proposes to explore the topic in the context of the theory of non-Western modernity and discussions about "Asian values". Particular attention is paid to the analysis of the phenomenon of nomadism as a special model of social evolution, as a special economic system of Mongolian peoples. The necessity of the development of new theoretical and methodological approaches to the analysis of the cultural identity of Mongolian peoples from positions of non-Western modernity is justified.

Keywords: cultural identity, Mongolian peoples, identity, nomadism, globalization, the non-Western modernity.

Старейший американский журнал The Atlantic (основан в 1857 г.) в майском номере за 2015 г. опубликовал статью К. Фриланд, управляющего директора Thomson Reuters, с весьма интересным названием «Дезинтеграция мира», где предлагается достаточно оригинальный форсайт-взгляд на будущее мира – не через глобальные политические или экономико-технологические тренды, а сквозь призму общественных настроений, выразителем которых является средний класс [1]. В статье приводятся следующие данные. Если в 2009 г. доля среднего класса составляла в Северной Америке – 18 %, в Центральной и Южной Америке – 10, в Европе – 36, в Азии – 28 %, то по прогнозам 2030 г. этот показатель достигнет 7, 6, 14 и 66 % соответственно. То есть западные экономики будут испытывать стагнацию, глобальный средний класс переместится в Азию, и следовательно, мировой центр приобретет незападные черты.

Оставляя за кадром собственно финансово-экономические аспекты данного прогноза – дезинтеграции мира, отметим, что одним из социокультурных последствий станет изменение в общественном сознании среднего класса (как обширного слоя современного общества с более высокой социальной устойчивостью), восприятие мира может измениться с западного на незападное.

Указанный аспект, как и многие другие прогнозы «подъема Азии» [2], актуализирует дихотомию «Запад – не-Запад», которая имеет долгую историю эволюции и приобретает сегодня новые характеристики. Она может быть осмыслена с учётом интеллектуально-духовных реалий современной жизни, а именно в дискурсе незападной современности [3].

В незападных странах процесс адаптации к постоянно меняющимся условиям характеризуется своими особенностями. Следовательно, можно говорить о незападной современности (термин Н. Гёле [4]). При характеристике незападной современности оперируют такими терминами, как «плюральные современности» («многообразные модерности»), «альтернативный модерн (современность)», «локальная современность» и др.

Как известно, понятие «незападная современность» основывается на той идее, что национальная социокультурная традиция обуславливает вариативность процессов осовременивания в мире, что конституирует неприменимость к ней западноевропейской матрицы.

Для теоретизации незападной современности необходимо изменить угол зрения: вновь рассмотреть современность в зеркале незапад-

ных обществ, а не западные общества в зеркале современности. Понятие «незападная современность» нацелено на понимание отношений «незападные общества – современность» [3].

Во многом это связано с разновекторностью, противоречивостью, нелинейностью развития современного мира (глобализация и локализация, национальная интеграция и мультикультурализм, полюса Запад – Восток, Север – Юг и т. д.). Все это обуславливает отрицание единого для всего мира алгоритма культурно-исторического развития, актуализирует важность мультилинейного подхода к оценке как исторического процесса, так и современности. Существенно возрастает «роль диалога как связующего звена между культурными различиями, опирающегося на мультивидении глобального мира и мультиидентичности современного человека» [5, с. 44].

Можно предположить, что именно данные обстоятельства детерминировали дискуссии об азиатских ценностях и «азиатизации Азии».

Особого внимания здесь заслуживает подготовленный Европейским институтом азиатских исследований сборник статей с участием как европейских, так и азиатских исследователей, посвященный проблеме традиционных культурных и социальных ценностей азиатских обществ, их влияния на мировоззрение и поведение людей в современных условиях и отличия от европейских ценностей [6].

Приведем также мнение ученого из Сеульского национального университета Сон Енби, который, отмечая, что традиционные азиатские ценности в настоящее время испытывают серьезное давление со стороны экспансии глобального капитализма, задается вопросом, чем вызваны столь отрицательные оценки азиатских ценностей в последние годы – «основаны ли они на строгом объективном анализе или это своего рода идеология, которая стремится оправдать гегемонию западных развитых экономик над азиатскими странами» [7, с. 110].

Идеологи азиатских ценностей считают, что Азия должна избрать свой собственный путь модернизации. Например, Хади Соесастро заявляет, что «в XXI в. Азия будет задавать тон, осуществлять руководство, определять конфигурацию Тихоокеанского региона и станет его центром. В этом состоит сущность возрождения Азии» [8, с. 313]. Масакацу Ямацаки говорит о возникновении новой азиатской цивилизации [9], а Синтаро Ишихара провозглашает «конец европейского модернизма, бывшего в течение длительного времени динамичной силой глобальных изменений», и начало азиатского века [10, с. 412].

В данном контексте обратимся к анализу культурной идентичности монголоязычных народов. Культурная самобытность монголо-

язычных народов, ее философско-онтологические основания требуют всестороннего исследования, где должен быть увязан ее концептуальный анализ с мировоззренческими и методологическими тенденциями современного философского и общекультурного дискурса. Своеобразие современной постмодернистской ситуации как плюрализма культур и традиций ставит проблему выявления механизма развития культур монголоязычных народов с учетом прежде всего глобальных кросс-культурных взаимодействий. Отсюда возникает целый ряд важных для философского осмысления данной проблемы вопросов, в частности, вопрос о границах, разделяющих универсальное и самобытное, общечеловеческое и этническое.

В этом смысле проблема философского осмысления культурной самобытности монголоязычных народов как целостности в контексте незападной современности представляет чрезвычайную методологическую важность при анализе идентичности монголоязычных народов. Это важно не только в контексте общих культурно-философских размышлений, но и видоизменяющейся идентичности. Этнокультурная идентичность – не столько данность, нуждающаяся в подтверждении, сколько заданность для свободного самоопределения и самореализации.

Целостное осмысление культурной самобытности монголоязычных народов важно для решения проблем их современной самоидентификации, а также для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире. С помощью современного философско-культурологического анализа можно ответить на вопрос, что происходит внутри монголоязычных народов в современных социокультурных условиях, т. е. рассмотреть не этнокультурные процессы вообще, а исследовать общие этнофилософские основания картины мира монголоязычных народов, выявить скрытые механизмы, определяющие их культурную идентичность, возможные сценарии ее дальнейшего развития. При этом не забывая о том, что внутриэтнические процессы неразрывно связаны как с внешними условиями существования этносов, так и с историко-мифологическими, религиозно-культурными представлениями.

Особого внимания в этой связи заслуживает тема номадизма как одной из ключевых характеристик картины мира монголоязычных народов.

Кочевниковедение, номадология как одно из направлений востоковедения претерпевает сегодня процессы как научного объективного переосмысления, так и субъективной саморефлексии (со стороны представителей кочевых народов), основанной на познании самих се-

бя, понимании своего прошлого, правильной оценки настоящего и перспектив будущего. Во многом это связано с методологическими поисками, необходимостью систематизации имеющегося эмпирического материала и дискуссионными вопросами о месте и роли номадизма как во всемирно-историческом процессе, так и в современной картине мира.

Понимание особенностей исторического развития кочевых обществ предполагает также необходимость выработки четкой терминологии исследования номадизма, уточнения понятий и дефиниций, отражающих различные стороны кочевой культуры. Важным является то, что при изучении феномена номадизма следует выработать и использовать терминологию, наиболее адекватно и лучше всего раскрывающую самобытные черты истории и культуры кочевых народов, роль и место их в историческом процессе. В большинстве случаев нецелесообразно использование по отношению кномадам терминов и понятий, с помощью которых характеризуются и интерпретируются явления из жизни оседлых, земледельческих обществ.

Следует отметить, что было бы упрощением воспринимать номадологию как концепцию, построенную исключительно на антиподе европоцентризму и оседлости, как дихотомию «модернизм – архаизм», «динамика – статика».

Более того, на наш взгляд, кочевничество, традиционные виды хозяйствования и природопользования не должны рассматриваться только с экономической точки зрения. Здесь важна ментальность этноса, смыслонаполненность его бытия, сохранность окружающего мира и природы, экологического равновесия. Гуманитарное измерение выражается в экологической миссии кочевых народов как хранителей традиционной хозяйственной культуры. То есть ценности номадической культуры, обуславливающие мышление и поведение кочевых народов, отражают гармонию взаимоотношений природы и человека.

Что касается современной ситуации, обратимся к работе С.Г. Жамбаловой, рассматривающей на основе проведенных полевых наблюдений кочевой образ жизни в современном мире через призму традиционализма и модернизации на примере монголов Монголии (Монгол Улс), Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ). Автор, отмечая факт масштабного существования в XXI в. номадизма, выделяет следующие модели адаптации монголов к современному миру: номадизм успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия) [11, с. 149].

Приведем в этой связи некоторые статистические данные. Так, монгольский исследователь, ректор Улан-Баторского Эрдэм-Оюу института Алимаа Дорж отмечает, что в конце 2010 г. до четверти экономически активного населения Монголии было занято в традиционном пастбищно-кочевом животноводстве и, соответственно, ведет в основном кочевой образ жизни [12]. При этом среди важнейших проблем современного номадизма в Монголии (это не абстрактная, сугубо академическая, а вполне реальная и актуальная проблема, которая непосредственно затрагивает судьбы около 600 тысяч аратов-скотоводов и членов их семей) он называет вопросы, связанные со взаимоотношениями представителей и носителей самобытной кочевой монгольской культуры и цивилизации с представителями других оседлых и кочевых культур и цивилизаций.

Следует отметить, что сохранение кочевого скотоводства в Монголии ни в коей мере не означает отрицания прогресса. Оно во многом выступает условием выживания монгольского этноса, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды. При этом современные животноводы Монголии успешно осваивают и используют в быту домашнюю технику, мобильные средства связи и транспорта, приспособив их к кочевому образу жизни. Современная картина сельской местности Монголии демонстрирует опыт сочетания элементов городской культуры с кочевым бытом, создавая новые практики гибридной социокультурной идентичности.

В отношении монголов АРВМ С.Г. Жамбалова выделяет три условные группы, сформировавшиеся в результате длительных этнических процессов: «кочевники-скотоводы, сохранившие традиционный образ жизни, язык, обычаи, обряды, религию, насколько это возможно в начале XXI в.; оседлые земледельцы с этническим самосознанием монголов и китаизированным монгольским языком; монголы, формально сохраняющую данную этническую принадлежность для пользования льготами нацменьшинств, которые в Китае довольно существенны» [11, с. 148]. Далее исследователь приходит к выводу о том, что дальнейшее развитие монголоязычных народов может быть рассмотрено в контексте двух векторов: первый – длительное сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе, второй – постепенный переход к западному образу жизни. При этом современные монголы Монголии и АРВМ в большой степени сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая уходит из повседневной жизни монголоязычных народов России.

Вместе с тем необходимо отметить, что хотя номадизм более не является живой традицией современных калмыков, он по-прежнему сохраняет положение фундаментального элемента национального самосознания народа.

Таким образом, номадизм можно охарактеризовать как систему адаптации к среде обитания, которая обусловила специфические формы хозяйства, быта, социальной организации и культуры у народов, живущих кочевым образом жизни. Важно понимание номадизма как особой модели социальной эволюции, как особой системы хозяйствования и адаптации, сложившейся в определенных природно-экологических и исторических условиях, как самобытной культуры, системы ценностей и идентичности, которые сохраняются и сегодня, несмотря на глобальные процессы культурной унификации.

При этом современная номадология должна быть не очередной данью моде (исследование мобильности, виртуальности, неномадизма), а соответствовать уровню социальных и гуманитарных проблем, стоящих перед традиционными кочевыми народами. Важнейшим шагом на этом пути должны стать как разработка новых теоретико-методологических подходов к анализу культурной самобытности монголоязычных народов с позиций незападной современности, так и поиск ответов на современные вызовы глобализирующегося мира с позиций культурной самобытности монголоязычных народов.

Литература

1. *Freeland C.* The Disintegration of the World // *The Atlantic*. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/05/the-disintegration-of-the-world/389534/> (дата обращения: 17.11.2015).
2. Доклад Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции – 2030: Альтернативные миры». Декабрь, 2012. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends (дата обращения: 17.11.2015).
3. *Rzaeva P.O.* Дихотомия «Запад – не-Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // *Вопросы философии*. 2012. № 12. С. 86–95.
4. *Göle N.* *Melez Desenler İslam ve Modernlik Üzerine*. İstanbul, 2008.
5. *Badmaev V.N.* Eurasianism as a “philosophy of nation” // *Eurasian Integration: The View from Within* / ed. P. Dutkiewicz, R. Sakwa. Routledge, 2014. P. 31-36.
6. Asian values. An encounter with diversity

References

1. *Freeland C.* The Disintegration of the World // *The Atlantic*. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/05/the-disintegration-of-the-world/389534/> (date of access: 17.11.2015).
2. *Global Trends – 2030: Alternative Worlds*. Office of the Director of National Intelligence (DNI). URL: www.dni.gov/nic/globaltrends (date of access: 17.11.2015).
3. *Rzaeva R.O.* Dihotomija «Zapad – ne-Zapad» v diskurse nezapadnoj sovremennosti i postmoderna // *Voprosy filosofii*. 2012. № 12. P. 86–95.
4. *Göle N.* *Melez Desenler İslam ve Modernlik Üzerine*. İstanbul, 2008.
5. *Badmaev V.N.* Eurasianism as a “philosophy of nation” // *Eurasian Integration: The View from Within* / ed. P. Dutkiewicz, R. Sakwa. Routledge, 2014. P. 31-36.
6. Asian values. An encounter with diver-

/ ed. by J. Cauquelin et al. Richmond, 2000. XIX, 207 p. (A publ. from the Europ. inst.for Asian studies).

7. *Song Young-Bae*. Crisis of culture identity in East Asia: on the meaning of Confucian effhics in the age of globalization // Asian philosophy. Abingdon, 2002. Vol. 12, № 2. P. 109–125.

8. *Soesastro H.* The Asia Pacific region on the Treshold of the 21 century // Indonesian quarterly. 1995. Vol. 4, № 23. P. 310–332.

9. *Yamazaki M.* Asia, a civilization in the making // Foreign affairs. N.Y., 1996. Vol.75, № 4. P. 106–118.

10. См.: *Riegel K.G.* «Asiatische Werte». Die Asiatisierungsdebatte in Kontext der Globalisierung // Ztschr. fur Politik. Koln; Berlin, 2001. Jg. 48, № 4. S. 397–426.

11. *Жамбалова С.Г.* Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Филология, история, востоковедение. 2012. № 2. С. 142–149.

12. *Дорж А.* Проблема номадизма в Монголии // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 2. С. 36–37.

sity / ed. by J. Cauquelin et al. Richmond, 2000. XIX, 207 p. (A publ. from the Europ. inst.for Asian studies).

7. *Song Young-Bae*. Crisis of culture identity in East Asia: on the meaning of Confucian effhics in the age of globalization // Asian philosophy. Abingdon, 2002. Vol. 12, № 2. P. 109–125.

8. *Soesastro H.* The Asia Pacific region on the Treshold of the 21 century // Indonesian quarterly. 1995. Vol. 4, № 23. P. 310–332.

9. *Yamazaki M.* Asia, a civilization in the making // Foreign affairs. N.Y., 1996. Vol.75, № 4. P. 106–118.

10. *Riegel K.G.* «Asiatische Werte». Die Asiatisierungsdebatte in Kontext der Globalisierung // Ztschr. fur Politik. Koln; Berlin, 2001. Jg. 8, № 4. P. 397–426.

11. *Zhambalova S.G.* Kochevoj obraz zhizni v sovremennom mire: problemy tradicionalizma i modernizacii // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija, istorija, vostokovedenie. 2012. № 2. P. 142–149.

12. *Dorz A.* Problema nomadizma v Mongolii // Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i prava). 2012. № 2. P. 36–37.